

© 1995 г. В.П. НЕДЯЛКОВ, В.М. АЛПАТОВ

ИСААК ШАЕВИЧ КОЗИНСКИЙ

Судьба этого человека сложилась очень несчастливо. Он прожил всего сорок пять лет и умер от тяжелой, мучительной болезни, значительную часть жизни не имел своего дома, кончил свои дни в чужой стране, где ему также не везло. Неудачной оказалась и его научная судьба: он ни одного дня не работал ни в исследовательском институте, ни в вузе, не смог издать при жизни ни одной книги, до сих пор его идеи не получили должной известности. Человеку уже нельзя помочь, но можно хотя бы должным образом оценить, кого мы потеряли. О полученных И.Ш. Козинским научных результатах говорится в статье Я.Г. Тестельца, мы же хотим сказать несколько слов о нем как о человеке.

Исаак Шаевич Козинский родился в 1947 г. в Черновцах. В 1965 г. он поступил на романо-германское отделение филологического факультета МГУ по специальности "испанский язык и литература" и окончил его в 1971 г. Преподаватели романо-германского отделения не оказали на него сильного влияния. В то же время со студенческих лет он был связан с кафедрой и отделением структурной и прикладной лингвистики того же факультета, бывшими тогда центром передовых методов языкознания. На отделении обычно с предубеждением относились к "чужим" студентам, но Козинского приняли сразу, всем было ясно, что они имеют дело с перспективным лингвистом. На отделении структурной и прикладной лингвистики на одном курсе с ним училась и Наталья Соколовская, ставшая еще в студенческие годы его женой.

После окончания университета устроиться на работу долго не удавалось. Ситуация осложнялась тем, что ни И.Ш. Козинский, ни его жена не были москвичами. С огромным трудом удалось прописаться в Орехово-Зуеве, что давало возможность работать в Москве, но жить там было слишком неудобно. И много лет И.Ш. Козинский с женой вынуждены были скитаться по временно снимаемым квартирам. Н.К. Соколовской удалось поступить в аспирантуру академического Института востоковедения, но Исаак Шаевич смог устроиться лишь переводчиком в Московское отделение НИИ виноделия "Магарач". Одной из причин были имя, отчество и соответствующая им внешность. Но многим, гораздо менее талантливым лингвистам с тем же "недостатком" удавалось преодолевать это препятствие. А Козинский совершенно не умел устраиваться, добиваться выгод. Его больше интересовал сам процесс научного творчества, чем его результат.

Работа в "Магараче" имела одно преимущество: она оставляла много свободного времени и позволяла заниматься наукой. Быстро выполнив необходимую "барщину", Исаак Шаевич основную часть рабочего времени штудировал выписываемые на адрес института якобы для производственных целей грамматики различных языков, в основном иностранные. Именно в первые годы такой работы он окончательно сформировался как ученый. У него не было учителей в науке, он сам сделал из себя лингвиста через общение не столько с людьми, сколько с книгами. Если другие языковеды его поколения так или иначе примыкали к какой-либо из школ советской науки о языке или же отталкивались от них, то он во многом непосредственно испытывал влияние западных, в первую очередь американских исследований. И.Ш. Козинский великолепно знал несколько европейских языков, а по-английски писал, как

носитель этого языка. Его работы выглядели весьма "вестернизированными". И в то же время И.Ш. Козинский высоко ценил достижения отечественного языкознания и не раз отмечал в зарубежных работах, претендующих на новизну, те моменты, которые уже давно содержались в наших работах; сокрушался, что большинство западных лингвистов не читают по-русски. В письме к В.П. Недялкову он писал: "Это явно говорит о том, что нужно читать по-русски, а не то будешь открывать Индию вместо Америки".

Главным для И.Ш. Козинского было стремление доискаться до истины, разобраться в проблеме независимо от того, будет ли результат опубликован или нет. Именно поэтому у него было не так много публикаций. Он был прекрасным полемистом, быстро улавливал слабые места читаемой работы, но не просто критиковал, а предлагал свои решения той же проблемы. Мало кто умел так, как он, находить необычные, нестандартные решения. Он мог полемизировать месяцами, посылая по почте страницы и страницы текста, аргументируя свою точку зрения. В полемическом задоре его, как и всякого самостоятельно мыслящего ученого, нередко заносило в сторону, но в отличие от некоторых его коллег он обычно не упорствовал и не старался выйти победителем из спора любой ценой. Вот характерный отрывок еще из одного его письма: "Если уж кому пора на пенсию, так это мне, а не Вам. Перечитав цитаты из своих замечаний в Вашем письме, я понял, что выразился невнятно и непонятно и эту свою ошибку постараюсь исправить".

И.Ш. Козинский был, мягко говоря, очень некрасив и его внешний вид поначалу отпугивал собеседников (что, безусловно, сказывалось на отношении к нему тех, кто знал его очень мало). Но после первых же фраз разговора с ним понимали, что не очень привлекательная внешность сочеталась с обаянием, мягкостью, подкупающей манерой беседы. И те, кто знал его достаточно хорошо, причем люди разных взглядов и вкусов, относились к нему с большой симпатией.

К своим трудностям И.Ш. Козинский относился с юмором и долго не терял бодрости духа. Очень ему помогала поддержка жены, с которой ему очень повезло. Н.К. Соколовская сама была талантливым лингвистом, ряд работ выполнен ими совместно. Обладая более сильным характером, жена поддерживала его в трудные минуты.

Постепенно И.Ш. Козинский начал получать известность как лингвист. Он регулярно выступал на научных конференциях и дискуссиях, наиболее часто в Институте востоковедения АН СССР, где работала его жена и где ему постоянно помогал заведовавший тогда Отделом языков И.Ф. Вардуль. У него установились хорошие деловые отношения с ленинградской типологической школой, приглашавшей его для участия в коллективных работах. Ему удалось оформить соискательство на филологическом факультете МГУ и в октябре 1980 г. он защитил там кандидатскую диссертацию. Но попытки перейти из "Магарача" на научную работу по-прежнему оказывались неудачными. В 1983 г. для него и жены кончилась бездомная жизнь: после сложных обменов они получили малюсенькую квартиру возле платформы Тайнинская, у самой границы Москвы. Стал налаживаться быт. А Козинский любил заниматься домашними делами, был хорошим кулинаром. Все им приготовленное было вкусно от блинчиков до жареной курятины. Лучше всего ему удавался черный кофе, который он и его жена поглощали в большом количестве. В их квартире была очень уютная атмосфера, они любили принимать гостей и очень им радовались.

И все рухнуло в один день. Н.К. Соколовская внезапно умерла на операционном столе от неожиданной случайности в апреле 1985 г. Козинский оказался один (детей у него не было). После этого он сломался и долго не мог работать. Ощущение выбитости из колеи в сочетании с желаниями его родственников привело его к решению эмигрировать. Произошло это как раз тогда, когда (в конце 1988 г.) впервые появилась реальная возможность устроиться в Институт востоковедения. В августе 1989 г. И.Ш. Козинский уехал в США. Решившись на этот шаг, он проявил свойственную ему деликатность. В одном из последних писем перед отъездом он просил убрать его фамилию из готовящегося сборника с тем, чтобы не повредить его

подготовке, но позволить "продолжать участвовать в этом деле анонимно в той мере, в которой это возможно и/или желательно".

За океаном И.Ш. Козинскому тоже не везло. Ни в один американский университет он не смог устроиться. Рассказывают, что судьба и там зло над ним посмеялась: один раз он не получил в университете места по той причине, что место предназначалось для негра, а в другой раз – из-за того, что место выделялось для женщины. Опять пришлось устраиваться на работу, сходную с той, что была в СССР. И.Ш. Козинский смог лишь опубликовать несколько серьезных работ (в том числе совместно с М.С. Полинской), но в США ему было суждено прожить лишь три года. Он умер от рака в Нью-Йорке 2 ноября 1992 г.

В данной публикации мы надеемся привлечь внимание лингвистов к научному наследию И.Ш. Козинского и опубликовать хотя бы представительные фрагменты из него. Следовало бы издать сборник его работ и перевести их на западные языки, но в нынешней ситуации, когда ни на что нет денег, очень трудно на это надеяться.